

Жан ТАТЛЯН:

Литератур. - 1993 - 16 окт. - с. 7.

Я НЕ НАШЕЛ МЕСТА ЛУЧШЕ ПИТЕРА

Кумир шестидесятых вернулся в Россию

В шестидесятые годы Жан Татлян был одним из самых популярных советских певцов. По уровню известности его можно было бы сравнить с любой из сегодняшних поп-звезд, — если бы во всем остальном он не отличался от них так же, как духовная атмосфера хрущевской «оттепели» отличается от наших дней. Старые песни Татляна сегодня кажутся олицетворением шестидесятых, их поэзии и оптимизма, наивности и чистоты. Он был первым (и единственным) советским шансоном; его сравнивали с Шарлем Азнавуром и Жаком Брелем... Прекрасный голос, молодость, красота, рано пришедшая слава — сотням тысяч поклонников Татлян казался баловнем судьбы.

В начале семидесятых Татлян эмигрировал, и после этого о нем было приказано забыть. По «Свободе», правда, говорили, что он участвует в концертах Ростроповича... Но для молодежи его имя уже мало что значило. Однако люди постарше по-прежнему помнят певца, и уж они-то наверняка обратили внимание на сообщение, несколько дней назад мелькнувшее в газетах: Жан Татлян возвращается в Россию для того, чтобы остаться в ней навсегда. И первое свое интервью он дал корреспонденту «Труда».

— Жан, может быть, вы начнете наш разговор с рассказа о своей судьбе? Тем более что она, насколько я знаю, достаточно любопытна...

— Я родился в Греции, во время войны, мои родители были армянами. Когда война закончилась, они репатрировались в Советскую Армению. Книга моих странствий началась на пароходе, который вез репатриантов в Советский Союз, и с тех пор я так и живу на колесах, меняя страны и языки... В раннем детстве родным для меня был греческий; потом я заговорил по-турецки и по-армянски; затем моим языком стал русский; позже, на Западе, я овладел английским и французским.

Мы приехали в голодную и холодную Советскую Армению и бедствовали вместе со всем народом. Я хотел заниматься музыкой, но о пианино не приходилось даже мечтать — бывали дни, когда в нашем доме не находилось куска хлеба. Что ж, я нашел выход — накопил медяков, которые мне давали на школьные завтраки, и купил гитару. Сам научился на ней играть, начал заниматься пением... Помогло то, что я по натуре человек очень организованный и настойчивый, и, поставив себе какую-то цель, я ее почти всегда добиваюсь. В профессии я сделал себя сам — никакого вокального образования у меня нет. Я копировал зарубежных певцов: итальянцев, Иву Монтана, увлекался французскими шансонами, песнями Шарля Азнавура, Жака Дуалана и Жака Брейля, заслушивался Синатрой. Я пилывал и то, и другое, и третье, а к этому еще добавлялись греческий, армянский, русский фольклор, негритянские спиричуэлс...

В бывшем Советском Союзе считалось: есть профессиональное образование — значит ты музыкант. Нет — самодельность, третий сорт... Но ведь легендарный Фрэнк Синатра тоже не учился в Гнесинском и никакого музыкального училища не кончал. Обошелся без него и Шарль Азнавур, и многие другие певцы мирового класса — диплом им с успехом заменили голос, талант и целеустремленность.

— А как сложилась ваша профессиональная карьера?

— Да как-то сама собой. Я начал с работы в школьной са-

модельности, потом выступил на городском конкурсе в Доме пионеров... Меня заметили, пригласили работать в городской филармонии — гитаристом в кuartет. Чуть позже я прослышал, что в Укрконцерте создали студию эстрадного искусства, и решил поехать туда — за дипломом. Я поступил, но во время учебы много гастролировал: родители не могли мне помогать, приходилось самому зарабатывать себе на жизнь. И вышло так, что еще до окончания студии меня позвали в Государственный джаз Армени. Пошли гастролы в больших городах, в Москве, понемногу начала приходить настоящая известность...

— Жан, в старину вас бы назвали «гражданином мира». Скажите, что составляет вашу аудиторию за рубежом — русские эмигранты, армяне или кто-то другой?

— Как правило, на советских гастролеров — от никому не известных певцов до Пугачевой — ходили только эмигранты. Моя судьба сложилась иначе: уже в 1972 году меня пригласили петь в крупнейшее казино Лас-Вегаса. Одновременно со мной там выступали Ширли Мак Лейн, Роберт Гулле и Фрэнк Синатра. Я пел в казино, в ресторанах, в больших концертных залах... Словом, везде. Сразу после того, как я уехал, в «Комсомолке» появилась статья, где говорилось, что предатель Татлян поет в парижских кабаках и спит под мостами. А я тогда уже купил квартиру и машину. И работал я в том самом кабаре, где сейчас с большим удовольствием поет Эдуард Хиль, в свое время мывший мне косточки на партсобраниях. Сейчас — я видел это по телевизору — он называет этот «кабак» «одним из самых феенебельных и дорогих кабаков мира». Потом я создал в Париже свое кабаре — «Три гитары». Через несколько лет оно было продано, я ездил с концертами по всему миру... Чуть позже я снова открыл кабаре, на этот раз в Нью-Йорке, и назвал его «Санкт-Петербург». И это не случайно — с Ленинградом в моей жизни было очень многое связано.

В этом городе я обосновался, уехав из Армении. С тех пор утекло много воды, я объездил весь мир, повидал разные страны и города, но не нашел места лучше Питера.

— А каким вы сейчас увидите Питер?

— Я плакал, когда вернулся. Ходил ночью по улицам, и в горле у меня стоял комок. Я вспоминал свою молодость: и радости, и горести, и любовь, и дружбу, и предательство... Все.

Но временами у меня появлялось ощущение, что последняя бомба второй мировой взорвалась, самое большее, час назад. Везде и всюду забытые жестью окна, обвалившиеся фасады, запустение и грязь...

— А люди сильно изменились?

— Они погрузнели, стали более озабоченными. В шестидесятые годы Невский проспект был Бродвеем: после семи, особенно в белые ночи, он был полон людей, гуляющих от Московского вокзала к Адмиралтейству и обратно.

— Но если в Питере тогда было так хорошо, почему вы уехали?

— Если бы двадцать лет назад можно было на время выехать за границу, а потом вернуться в Союз, я никогда бы не эмигрировал. Но я был невыездным: когда западные импресарио, набравшие в Союзе труппы для зарубежных гастролей, спрашивали обо мне, им сообщали, что я тяжело болен. Три раза меня не пускали во

Францию по гостевой визе. Тогда я в первый раз подумал, что пора уезжать. В Союзе я достиг всего, что было можно, мне просто некуда было двигаться дальше. А потом — я не умел лицемерить, у меня не было песен о красном флаге, рабочих и коммунистах. Если бы я остался в Союзе и продолжал жить так, как я жил, мне был бы прямой путь в диссиденты. Или в психушку. Был и другой выбор: можно было начать плясать под дудку властей или нырнуть в алкоголь... А можно было уехать. И я уехал.

— Зачем же в таком случае вы вернулись?

— С годами я понял, что мое сердце осталось в России, там, где прошла моя юность, где живут мои друзья. И того, что могло бы это заменить, я так и не нашел.

— Значит, ностальгия по России у вас все-таки была?

— Конечно. Я армянин по крови, но тянуло меня в Россию. Это чудная, удивительная страна. Русский гений обогатил культуру многих народов. Взгляните хотя бы на Голливуд — среди его звезд десятки русских (хоть свои подлинные имена они часто прячут под псевдонимами). Дина Дурбин, Кирк Дуглас, Юл Бриннер — из России; знаменитую Натали Вуд на самом деле звали Наташа Полякова. Крупнейшим композитором Голливуда, написавшим музыку к 350 фильмам, был Дмитрий Темкин. Из России Эрве Берлин, человек, создавший песню, ставшую вторым, неофициальным гимном Соединенных Штатов — «God, bless America...». Говорят, что Россия исчерпала свой генофонд. Чушь! Эта земля всегда будет щедро на таланты — может быть, от того, что на ней смешалась кровь многих народов, дети которых стали россиянами, наследниками великой русской культуры. И меня передергивает, когда я слышу, как говорят о «возрождении России». На мой взгляд, уместнее было бы говорить «пробуждение». Грешно называть Родину трупом — тем более что Россия никогда не умирала. Коммунисты так долго продержались в ней только из-за простоты и доверчивости, наивности ее народа.

— По-моему, вы сейчас большой патриот, чем те, кто прожил эти годы в России. Мы сами себе внушили, что страна погибла, все вокруг безнадежно плохо, и в душах людей такая же грязь, как и в подворотнях... Вы продолжали чувствовать себя россиянином, когда пели в Лас-Вегасе?

— Страна тяжело больна. Сейчас ей удаляют раковую опухоль: это мучительно больно, но обойтись без этого нельзя. А на второй ваш вопрос я отвечу так — сперва я хотел вообще забыть о России. Мне было очень обидно: с какой стати меня вынудили оборвать все свои корни и, не зная языка, без гроша в кармане, уехать туда, где у меня не было ни кола, ни двора? Сначала у меня было ощущение, что России больше не существует. А потом... Потом прошлое стало проясняться. И меня потянуло назад — особенно после того, как здесь, в России, умерла моя мама. Я приехал сюда через четыре года после ее смерти и сразу пришел на кладбище. Шел сильный ливень, и я вымок до нитки. Но когда я встал около могилы, небо прояснилось. И я вдруг ощутил, что с моих плеч свалилось килограмм по пятьдесят. Тогда и понял, что другого дома, кроме этого города, этой страны, у меня нет и никогда не будет.

Беседу вел
Алексей ФИЛИППОВ